

Артём
Шифрин

Вокруг
Седьма
за
27
дней

27 шагов
на пути к себе

Артем Шифрин

Вокруг сердца за 27 дней

<https://litres.ru/74138392>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Вокруг сердца за 27 дней» — это сборник притч, сказок и почти правдивых историй о невидимых законах, по которым устроена жизнь.

Почему сказанное возвращается эхом? Зачем приходит пустота? Как взгляд меняет увиденное, случайный выбор становится перекрёстком, а отданный свет однажды находит дорогу обратно?

Каждый день читателю открывается один закон — Целостности, Сердца, Зеркала, Тишины, Серебряной Нити, Великой Отдачи и другие. Они не требуют веры и не обещают мгновенного просветления. Они лишь предлагают внимательнее посмотреть на привычные события и заметить связи, которые прежде оставались невидимыми.

Эту книгу можно прочесть за вечер. Но лучше прожить — по одной главе в день, наблюдая, как её истории продолжают в разговорах, встречах, совпадениях и собственных решениях.

Это путешествие не к новой версии себя, а к тому, кем вы были всегда. Просто, возможно, успели забыть.

Содержание

От автора	5
Как пользоваться этой книгой	8
Или что делать, если один из законов вдруг начал пользоваться тобой	8
Один день — один закон	10
В течение дня наблюдай	11
Вечером возьми ручку и бумагу	12
Не используй законы против себя	13
Не требуй от себя немедленного преобразования	14
Делай маленькие вещи	16
Не жди знаков. Но замечай их	17
Двадцать седьмой день	18
Что делать после	19
День первый	20
Элай, у которого не было фантазии	24
Всё уже было, но не так	29
Всё уже на месте	34
Рассказ: «Магистр Колено и Танец Чашек»	37
Нити света	40
1. Закон Целостности	43
День второй	44
Комната с занавеской	44

Кафе «Занавес»	48
2. Закон Иллюзии	52
День третий	53
Где живут чайники	56
Возвращайся	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Артем Шифрин

Вокруг сердца за 27 дней

От автора

Когда выходишь на эстраду,

стремиться нужно к одному:

всем рассказать немедля надо,

кто ты, зачем и почему.

Из фильма «Покровские ворота»

К сорока годам я начал задумываться над рядом простых вопросов:

почему вкусный бутерброд падает начинкой вниз, а невкусный — начинкой вверх?

почему стоит закурить, как сразу приходит автобус, которого давно не было?

зачем на станции метро «Новокузнецкая» два барельефа Дмитрия Донского?

почему в имени Александра Македонского спрятан шифр?

откуда берутся силы, когда их нет?

как превратить свинец в золото?

Простые вопросы сорокалетнего мужчины.

Если есть вопрос — значит, будет ответ.

Это, наверное, первый найденный мной закон. Ну как «найденный мной» — есть ощущение, что эти законы сами хотели родиться в виде историй. Их просто нужно было собрать вместе и чуть по-другому приложить.

Например, оказалось, что законы физики точно так же работают в отношениях между людьми, а законы геометрии помогают построить внутреннюю ось.

Я пробовал от них отмахнуться, но они как будто преследовали меня: попадались в книжках, песнях, случайных фильмах.

Говорят, писать нужно тогда, когда больше не можешь. Я добавлю: чем больше пишешь, тем больше хочется.

Изначально я выписывал эти законы для себя. Потом из них родились истории.

Кто-то взял почитать мои распечатки, дал их кому-то ещё, тот показал ещё кому-то. И тут случилось маленькое чудо: в тех, кто их читал, что-то менялось к лучшему.

Они радовались упавшему бутерброду, не переживали, что давно нет автобуса, а фрески в метро складывались для них в слова и подсказки.

Законы поменяли что-то и во мне. Знаю, что поменяют что-то и в некоторых из вас. И уверен, что это к лучшему.

Теперь я предлагаю тебе маленькую игру.

Ты вооружаешься ручкой и блокнотом, каждый день читаешь одну главу, а вечером пытаешься по памяти записать закон и, возможно, свои истории, связанные с ним.

И так двадцать семь дней подряд.

Очень простая игра.

Самое приятное в ней — и ты, и те, кого ты пригласишь, всегда будете в выигрыше.

Здесь нет проигравших.

Как пользоваться этой книгой

Или что делать, если один из законов вдруг начал пользоваться тобой

Эту книгу можно прочитать за один вечер.

Некоторые так и поступят. Заварят чай, устроятся поудобнее, проглотят двадцать семь дней подряд, закроют последнюю страницу и скажут:

— Было красиво.

Это не запрещено. Здесь вообще постарались обойтись без запретов. Но книга задумана немного иначе.

Перед тобой практика на двадцать семь дней. Не марафон духовного совершенства, не экзамен на осознанность и не ещё один способ обнаружить, что ты опять недостаточно правильно живёшь. Скорее, небольшое путешествие вокруг собственного сердца. С остановками, пересадками, потерянными билетами, внезапно заговорившими чайниками и обязательным моментом, когда выясняется, что карта всё это время была перевёрнута.

Каждый день здесь посвящён одному закону.

Но слово «закон» не означает приказ. Никто не придёт проверять, правильно ли ты выполнил Закон Тишины, до-

статочно ли целостно прожил Закон Целостности и почему до сих пор не предъявил справку о наступившем Чуде.

Эти законы не похожи на правила дорожного движения. Скорее, это невидимые нити, из которых соткана жизнь. Они действуют независимо от того, знаем мы о них или нет. Внимание что-то усиливает. Слова возвращаются эхом. Пустота освобождает место. Отданный свет не исчезает. Каждое маленькое решение становится перекрёстком.

Задача этой книги — не заставить тебя поверить в законы.

Задача — помочь их заметить.

Один день — один закон

Утром или в начале дня прочитай одну главу. Только одну.

Не торопись сразу разбирать её на смыслы. Истории устроены не как упаковка для полезной мысли. Иногда они понимают о тебе больше, чем ты успел понять о них.

Какая-то фраза может рассмешить. Какая-то — раздражить. Другая пройдёт мимо, а вечером внезапно обнаружится в разговоре, случайной встрече или собственном отражении в окне метро.

Позволь истории просто побыть с тобой.

Не обязательно всё понимать. Закон Сердца может сначала отозваться в голове, Закон Тишины — вызвать желание немедленно кому-нибудь позвонить, а Закон Пустоты — напомнить, что в холодильнике ничего нет. Мир любит буквальные шутки. Особенно когда мы настроены исключительно метафизически.

В течение дня наблюдай

Не старайся специально создать доказательство прочитанного закона. Не нужно выходить на улицу с намерением срочно встретить Зеркало, Перекрёсток и Серебряную Нить до обеденного перерыва.

Просто смотри.

Где этот закон уже действует в твоей жизни?

Как он проявляется в людях, разговорах, случайностях, задержках, желаниях и сопротивлении?

Что сегодня особенно привлекает твоё внимание?

Какое слово возвращается эхом?

Что просится быть отпущенным?

Где ты пытаешься продавить жизнь, хотя она предлагает повернуть?

Где ты ждёшь помощи, а где уже можешь стать помощью сам?

Возможно, ничего особенного не произойдёт. Это тоже наблюдение. Иногда закон работает тихо — как отопление, совесть или кот, который наконец перестал ронять вещи, потому что уже всё уронил.

Вечером возьми ручку и бумагу

Лучше действительно ручку и бумагу. Телефон тоже подойдёт, но бумага реже предлагает проверить сообщения, заказать новые носки и заодно узнать, почему у актёра из сериала третий развод.

Закрой книгу и попробуй записать закон по памяти.

Не обязательно дословно. Даже лучше — не дословно.

Запиши, как ты понял его сегодня.

Закон, пересказанный своими словами, уже начал становиться частью твоего опыта. Он перестал быть чужой красивой фразой и вошёл в твою внутреннюю речь.

После этого ответь себе на несколько вопросов:

Где сегодня я увидел действие этого закона?

Что во мне ему сопротивлялось?

Что я почувствовал, когда начал смотреть на происходящее через него?

Какой один небольшой поступок может завтра поддержать этот закон в моей жизни?

Не обязательно отвечать на всё. Иногда достаточно одной строчки. Иногда захочется написать собственную историю. Запиши её. Вполне возможно, она всё это время ждала именно этого закона, чтобы выйти наружу.

Не используй законы против себя

Это особенно важно.

Закон Зеркала не означает, что ты виноват во всём, что с тобой происходит.

Закон Глаза не означает, что любая неприятность появилась потому, что ты недостаточно позитивно смотрел.

Закон Великой Отдачи не требует раздать себя до последнего кусочка и потом героически светить из состояния полного истощения.

Закон Настоящего Момента не запрещает вспоминать прошлое и планировать будущее.

Закон Смерти и Перерождения не велит радоваться каждой потере прежде, чем ты успел её оплакать.

Законы нужны не для обвинения. Они нужны, чтобы увидеть больше вариантов.

Не спрашивай: «Что я опять сделал неправильно?»

Спроси: «Что я теперь могу увидеть иначе?»

Это совсем другой вопрос. В нём меньше суда и больше света.

Не требуй от себя немедленного преобразования

Некоторые главы отзовутся сразу. Другие останутся красивыми, но непонятными. Третьи могут вызвать сопротивление, скуку или желание доказать автору, что он ничего не понимает в жизни.

Прекрасно.

Сопротивление тоже является частью разговора.

Не нужно заставлять себя соглашаться. Закон не становится истиннее от того, что ты три раза подчеркнул его красным карандашом. Наблюдай. Проверяй. Спорь. Возвращайся.

Возможно, смысл одной главы раскроется через неделю. Другой — через год. А третья будет лежать тихо, пока однажды ты не окажешься посреди собственной истории и не скажешь:

— Ах вот о чём это было.

Кстати, именно так и было со мной, пока я не нашёл в шкафу старую книжку, до которой много раз не доходили руки, — и одна иллюстрация в начале изменила буквально всё. Но это история для другой книги, которую я всё ещё пытаюсь дописать.

Если какой-то текст касается слишком болезненного места, остановись. Подыши. Вернись к телу, комнате, звукам вокруг. Закрой книгу и продолжи тогда, когда почувствуешь готовность. Это путешествие не требует от тебя насилия — даже ради света.

Делай маленькие вещи

Законы становятся живыми не тогда, когда их красиво формулируют, а когда они входят в поступки.

Позвонить.

Промолчать там, где раньше хотелось ранить.

Сказать правду без обвинения.

Выбросить одну ненужную вещь.

Начать дело, которое давно ждёт.

Поблагодарить.

Попросить о помощи.

Не вмешиваться туда, где другой имеет право выбрать сам.

Посмотреть не на пятно, а на всё полотно.

Иногда для изменения жизни требуется великий духовный подвиг. Но гораздо чаще — помыть чашку, отправить письмо и наконец лечь спать вовремя. Вселенная вообще подозрительно уважает простые действия.

Не жди знаков. Но замечай их

Не каждое совпадение является посланием Вселенной. Иногда автобус пришёл потому, что у него расписание.

И всё же мир умеет отвечать.

Фразой в книге. Случайным разговором. Повторяющимся образом. Неожиданной тишиной. Чужой историей, которая почему-то говорит именно о тебе.

Не нужно превращать жизнь в бесконечную расшифровку тайных посланий. Достаточно сохранять внимание.

Настоящая магия этой практики не в том, что через двадцать семь дней голуби начнут сообщать тебе номера выигранных билетов. Она в том, что ты станешь немного лучше видеть.

А когда меняется взгляд, иногда вслед за ним действительно меняется всё остальное.

Двадцать седьмой день

Последний день — не контрольная работа.

Не нужно перечислять все законы по порядку и нервничать, если Закон Первой Вибрации случайно поменялся местами с Пульсирующим Порядком. Они, скорее всего, не обидятся. У них вечность впереди.

В двадцать седьмой день оглянись на пройденный путь.

Перечитай свои записи.

Посмотри, какие слова повторялись. Какие истории всплывали. Какие законы легко вошли в твою жизнь, а какие продолжали стоять у двери с выражением: «Ничего, мы подождём».

Спроси себя:

Что я начал замечать?

Что во мне стало тише?

Что стало яснее?

Какой закон оказался сейчас самым нужным?

Что я хочу забрать с собой дальше?

И обязательно поблагодари себя. Не за идеальное прохождение. За то, что ты был в этом пути. Читал. Смотрел. Иногда понимал. Иногда честно не понимал. Но продолжал идти.

Что делать после

Через двадцать семь дней книга не заканчивается.

Можно начать второй круг. На этот раз ты прочитаешь те же истории уже другим человеком — хотя внешне он, возможно, будет носить ту же куртку и по-прежнему забывать купить соль.

Можно открывать книгу на случайной странице и брать закон дня.

Можно прожить с одним законом неделю или месяц.

Можно написать собственную историю.

Можно ничего не делать. Иногда закону нужно просто по-лежать внутри и дождаться своего времени.

Главное — не превращать практику в новую обязанность. Свет плохо переносит слово «должен». Он любит внимание, живой интерес и небольшое свободное место, через которое может войти.

Так что приготовь ручку. Найди бумагу. Завари что-нибудь тёплое.

И начинай.

Не потому, что через двадцать семь дней ты обязан стать другим.

А потому, что, возможно, за эти двадцать семь дней ты чуть яснее увидишь того, кем уже являешься.

День первый

Пролог. Когда мир начинает отвечать

Есть люди, которые однажды просыпаются с ощущением, будто внутри них кто-то тихо постучал ложечкой по чашке.

Не громко. Не драматично. Без пророчеств, молний и ангелов с горящими глазами.

Просто однажды утром ты стоишь у окна, смотришь на серый двор, на голубей, похожих на уставших философов, на человека с пакетом апельсинов, на пар над кружкой — и вдруг понимаешь: что-то зовёт тебя. Не «куда-то». А глубже.

И самое странное: этот зов не всегда похож на подвиг.

Иногда он выглядит как желание уйти с нелюбимой работы, купить билет в другой город, написать рассказ, снова начать рисовать, позвонить кому-то спустя десять лет или просто перестать делать вид, что тебе всё равно.

Мир вообще редко говорит с человеком громко. Он предпочитает намёки: трещину в чашке, повторяющийся сон, странную фразу в метро, книгу, случайно выпавшую с полки, кота, который смотрит на тебя так, будто знает о тебе что-то важное.

И если быть честным, многие слышат этот зов. Но почти никто не идёт. Потому что путь пугает. Не сам путь — нет.

Пугает то, что может оказаться в конце.

А вдруг ты действительно найдёшь себя? Что тогда делать со всей прежней жизнью?

Я думаю, именно поэтому люди так любят говорить о «тайных знаниях». О скрытых орденах. О древних ритуалах. О магических символах. О секретных дверях, доступных только избранным.

Это очень утешает эго.

Гораздо труднее принять другое: путь начинается не в храме, а в момент, когда ты впервые перестаёшь себе врать. Не существует избранных людей. Есть только те, кто однажды сказал:

— Хорошо. Мне страшно. Но я всё-таки пойду.

И вот тогда мир начинает отвечать.

Сначала осторожно. Почти незаметно. Тебе попадается нужный человек. Нужная книга. Нужная улица. Нужная потеря. Иногда — совершенно ненужная на первый взгляд катастрофа. Но позже оказывается: именно она открыла дверь.

Путь вообще редко выглядит как восхождение мудреца к сияющей вершине. Чаще — как очень странное путешествие человека, который забыл, зачем вышел за хлебом, и внезапно оказался посреди собственной души.

С кружкой остывшего кофе. С рюкзаком страхов. С сердцем, которое всё ещё надеется на чудо, несмотря ни на что.

И, возможно, именно так всё и должно быть.

Потому что настоящая магия никогда не была побегом от

мира. Она — про умение видеть.

Видеть, что улицы помнят шаги, слова меняют пространство, внимание похоже на свет фонаря, а любовь иногда сильнее законов физики. А иногда — сама является одним из них.

Когда-то алхимики пытались превратить свинец в золото. Но, возможно, главная алхимия всегда происходила с человеком: страх становился мудростью, боль — дверью, сердце училось светить, не сгорая.

И, наверное, всякий путь — путь Сантьяго, путь домой, путь через ночь, любовь, одиночество или собственную тень — начинается одинаково.

С маленького внутреннего признания:

«Я больше не могу жить по-старому».

Эта книга — не инструкция. Не учение. И уж точно не сборник ответов.

Скорее, фонарь. Или карта, нарисованная человеком, который тоже долго блуждал. Иногда — очень смешно. Иногда — очень больно. Иногда — с котом. Иногда — без.

Здесь будут законы физики, алхимия, геометрия, Таро, старые мифы, городские кафе, люди с треснувшими сердцами, чайники, тишина, музыка, снег, зеркала и странное ощущение, что мир всё время пытается с нами поговорить.

Потому что, возможно, Вселенная — не механизм. Возможно, она — история.

И каждый человек одновременно путник, алхимик, карта

и дорога к самому себе.

Если тебе вдруг покажется, что ты заблудился, не пугайся. Иногда именно так начинается настоящий путь. Особенно если где-то рядом уже закипает чайник.

И кто-то невидимый говорит:

— Ну наконец-то. Проходи. Мы тебя ждали.

Элай, у которого не было фантазии

Уолту Диснею посвящается

История о человеке, который придумал целую вселенную, потому что не мог не делиться тем, что видел

Элай работал в офисе.

В очень правильном офисе, где всё было... ну, предсказуемо.

Кофе с молоком, письма в деловом тоне, мечты строго после 21:00.

Его посадили между бухгалтером Ниной и системным аналитиком с подозрительно подвижной бровью.

И всё было как у всех.

Кроме одного: у Элая был мешок.

Не физически, конечно. А внутри — где-то между солнечным сплетением и грудной клеткой.

Он чувствовал, что носит его с собой. И в этом мешке всё время что-то шевелилось.

Иногда щекотало изнутри. Иногда напевало. Иногда

вспыхивало картинками, такими яркими, что Элай спотыкался о реальность.

Но в офисе про мешки не говорят.

Там говорят:

— Где отчёт по второму кварталу, Элай?

— Элай, вы забыли заархивировать вложение.

— Элай, нам нужен кто-то... с воображением. Вы... совсем не подходите.

И всё.

Он не спорил.

Просто вышел из офиса.

Прошёл мимо ларька с хот-догами.

Мимо витрины с красными туфлями, на которых сидела пыльная сова.

И сел на скамейку.

— Что теперь? — спросил он у мешка.

И мешок ответил.

Сначала — шёпотом. Потом — образами. А потом — голосами мышей, у которых был план побега. Скелетов, танце-

вавших ча-ча-ча на кладбище в полночь. Принцесс, которые сбегали с балов, не дождавшись финальной песни. И утят, которые просто хотели петь в унисон.

Элай встал.

Купил карандаши. Блокнот. И начал рисовать.

Он рисовал везде.

В кафе. В автобусе. В коридоре старого кинотеатра, где показывали фильмы без субтитров, но с живым пианистом.

Он рисовал не потому, что «это прибыльно».

И не потому, что «надо себя реализовать».

Он рисовал потому, что не мог не делиться.

Эти образы, эти существа — они хотели попасть наружу.

Хотели встретиться с детьми. И со взрослыми, которые забыли, что у них внутри — мешок с чудесами.

Когда пришёл успех (а он пришёл, потому что волшебство не может не быть замеченным), Элай не перестал рисовать.

Он просто сказал:

— Хорошо. Теперь у нас есть студия. А значит — ещё больше историй найдут дорогу к свету.

Он не стал другим.

Просто стал больше.

Больше — не в смысле славы.

А в смысле щедрости.

Он создал мышонка, у которого всегда был план. Драконов, у которых была душа. Лис, которые мечтали быть добрыми. И мальчика, у которого был друг — медведь, говорящий стихами.

Люди говорили:

— Как ему это удаётся?

А он просто повторял:

— Я ничего не придумываю. Я просто слышу, кто хочет выйти из мешка. И помогаю.

Закон Великой Отдачи работает просто:

Ты отдаёшь — и вместо потери чувствуешь расширение.

Ты делишься — и становишься больше, ярче, живее.

Ты даёшь — и вдруг понимаешь, что сам наполнился ещё больше, чем раньше.

Элай не боялся, что идей не хватит.

Он знал: чем больше он делится — тем больше внутри загорается.

И если вы когда-нибудь увидите сову в витрине...

Или услышите, как скелеты репетируют новый танец...

Или заметите, что ёлочная мишура подмигивает вам...

Возможно, это Элай снова открыл свой мешок.

Потому что всегда где-то есть кто-то, кому очень нужно услышать сказку.

Сейчас, прямо здесь, без причины.

Потому что чудеса не убывают, если ими делиться.

Они только множатся.

Точно как звёзды, как добрые сны, как ты.

Всё уже было, но не так

Иногда они встречались в кафе, которое почему-то называлось «Петля Времени», хотя часы там всегда показывали неправильное время — и никто не спешил его чинить.

Он заказывал зелёный чай, она — какао с зефиром. Это было важно. Он утверждал, что зелёный чай обостряет восприятие и позволяет быстрее угадывать сюжеты. Она считала, что зефир — это белый шум, который нужен, чтобы слушать вслух.

Это была их игра.

Он рассказывал «Титаник», как будто это история про парусник из перьев, который не выдержал тяжести первой любви.

Она пересказывала «Шерлока» как трагикомедию про глухого сыщика и собаку с аллергией на тайны.

Потом он взял блокнот.

Она — старенький ноутбук, который иногда «писал сам», если на него подолгу не обращали внимания.

— Давай запишем, — сказал он.

— Что?

— Всё. Как мы это видим.

— Думаешь, кто-то прочитает?

— Не думаю. Но вдруг персонажи обидятся, если мы не дадим им выйти?

И они начали писать. Не для книг, не для читателей, а чтобы не лопнуть от историй.

Чтобы где-то, в параллельной версии мира, мышь снова нашла свои туфельки, сова снова вспомнила, как летать, и кот Синтаксис снова обрёл усы, потому что всё имеет значение, даже усики.

Они называли это «Овеществлённые Иллюзии».

Так и писали: с большой буквы. Как Имя.

Мир внутри начал оживать.

Кто-то печатал слова — а внутри появлялись комнаты с обоями из облаков, лестницы, по которым можно подняться в детство, чайники, шепчущие сказки на паровом языке.

Там были добрые привидения. Одно из них звали Марфа, и она пекла воздушные кексы, которые стирали плохие воспоминания из головы, но только если человек этого сам хотел.

Совы читали стихи, даже когда спали.

Коты занимались библиотечной магией.

Мыши писали письма, которые доходили не по адресу, но именно туда, куда было нужно.

А однажды пришёл Элай. Просто сел рядом.

Он выглядел как художник, который однажды чуть не отказался от мечты, но потом вспомнил, как сова моргнула ему в ответ.

Он не сказал ни слова. Просто передал им свои старые выцветшие картинки.

И они ожили.

Они налились красками, как губка — дождём.

Они начали шевелиться, говорить, плакать, обнимать друг друга.

Они снова стали мультфильмами.

Но уже не просто нарисованными, а живыми.

Потому что кто-то их любит.

И тогда произошло самое странное.

Когда ты читал этот рассказ —

ты улыбнулся.

И в этот момент — у тебя под кожей что-то щёлкнуло.

Как будто дверца, которая давно была закрыта, приоткры-

лась.

И кто-то — очень тихо — вошёл.

Скорее всего, это был твой внутренний маг.

Он вернулся.

Он принёс с собой старый чемодан — в нём были вырезки из мечты, кусочки вдохновения, забытая музыка и запах мокрой бумаги из детства.

Он сел на краешек твоего сознания и спросил:

— Ну что? Поиграем?

А в их мире тем временем наступал вечер.

Они сидели у окна. Он читал ей «Алису», заново переведённую на язык сказки.

Она рисовала карту страны, где все пути ведут к себе.

Они не знали, куда это всё идёт.

Но знали точно: всё живое — отдаётся.

Мир не становится беднее от волшебства. Он только шире.

Как сердце.

И, может быть, когда ты в следующий раз увидишь сову,
или кота, который смотрит на тебя слишком внимательно,
или услышишь, как чайник будто произносит твоё имя па-
ром,

— ты вспомнишь:

Мир снаружи — из слов.

А сердце мира — твоё.

И в нём по-прежнему живёт Истинная Магия.

Та, что тихо поёт, когда ты пишешь.

Та, что шевелится, когда ты читаешь.

Та, что оживает... когда ты веришь.

Всё уже на месте

Москва проснулась не сразу.

Сначала зевнула где-то в районе Садового, потянулась эскалатором в метро и включила телефонный звонок между двумя людьми, которые не хотели говорить, но не могли не позвонить.

Потом, как обычно, заварила себя в кофейнях, уткнулась в пробки и захрустела булочками на Патриарших. И где-то в это самое утро, среди тысяч таких же начавшихся дней, трое людей почувствовали, что что-то сдвинулось.

Вика вышла из квартиры и поняла: она не знает, зачем идёт на работу.

Не в смысле «мне бы на Бали». Нет. Всё было на месте: офис, задачи, КРІ, симпатичный начальник с глазами как капучино. Но где-то в плече заныло странное: будто тело помнило, что она когда-то умела смеяться просто так.

Она шла по Цветному бульвару, зашла в бизнес-центр, нажала кнопку лифта. И вдруг — вспышка: воспоминание, как в девятом классе она рисовала на чердаке лица. Разные лица. Просто лица. И была тишина, и был запах краски, и кто-то внутри шептал: «Это — ты».

Где это всё?

Пётр — сорок, бывший музыкант, ныне проектный менеджер в IT — ехал в метро и чувствовал себя как GPS без

спутника: всё вроде работает, но никакой карты.

Его метро, его путь, его дом. И всё как будто не его. Он открывал ноутбук, заканчивал зумы, закрывал ноутбук — и каждый день был как отрывной лист календаря, на котором случайно не написано ничего.

Он вышел на «Чистых прудах» и просто пошёл. Без маршрута.

Когда он дошёл до Чистопрудного бульвара, в него вдруг врезалась девушка с двумя собаками и сказала:

— Простите, вы — это случайно не вы?

Он рассмеялся.

— Пока не знаю. Но, может, вы меня сейчас как раз нашли.

Она тоже засмеялась.

И на мгновение ему показалось, что ритм жизни сдвинулся. Не резко. А как будто нотка в мелодии вернулась на своё место.

А в Петербурге, за три часа до этого, Алёна пила чай на кухне и думала: «Что, если всё, чего я хотела, уже со мной, просто я смотрю не туда?»

Там за окном дождь, там кошка греется на подоконнике, там кто-то пишет ей сообщение — и она знает, кто. Там, на стене, висит старая карта Москвы. И она вдруг, ни с того ни с сего, решает: «Поеду».

И едет. Не потому что надо. Потому что хочется посмотреть в лицо себе самой — той, что ждёт её где-то между мо-

заикой Курской и кирпичами на Флаконе.

Вика, Пётр и Алёна не знали друг друга. Им не нужно было знать. Они просто в один и тот же день оказались на Винзаводе — одна искала краски, другой — музыку, третья — просто хотела посмотреть на Москву в лицо.

Они стояли в одной галерее. Один смотрел на абстрактную инсталляцию, вторая вдыхала запах масла, третья вдруг заплакала.

Рассказ: «Магистр Колено и Танец Чашек»

Никто толком не знал, зачем Магистр Колено вернулся в Город. Последний раз его видели лет двадцать назад — он тогда сказал: «Пойду прогуляюсь до края мира, вернусь, когда соберусь». И ушёл. Собственно, никто особо не ждал, что он вернётся. Тем более — в плаще, который был одновременно сухим и насквозь промокшим, с чашкой в руках. Одной. Фаянсовой. Без ручки.

— Это часть, — пояснил он на входе стражнику.

— Часть чего?

— Чашки. Или мира. Пожалуй, это одно и то же.

С тех пор Магистр Колено жил в старой башне над рынком. Каждый вечер он ставил на стол очередную чашку. Они все были разные — фарфоровые, глиняные, треснутые, золотые; одна даже была нарисованной, но как-то всё равно держала чай.

— Ты коллекционер? — спросила я его однажды.

— Я... вспоминатель, — мягко поправил он.

— То есть?

— Собираю не чашки, а их места. Их «вписанность».

— А ты уверен, что у каждой из них вообще есть место?

— Конечно. Даже у того, кто сам себя потерял, есть своё место. Только найти его труднее.

В одну ночь — весеннюю, мокрую, полнолуночную — я проснулась от стука. Оказалось, это Магистр танцевал. Среди чашек. Босиком. Смешно. Красиво. Очень-очень по делу.

— Это ты чего?

— Расставляю. Всё должно встать на свои места.

— Посреди ночи?

— Целостность не спрашивает времени. Она просто приходит. Когда чашки начинают петь — я слышу.

Я посмотрела на стол. Чашки стояли в хаосе, но, приглядевшись, я вдруг поняла — это не беспорядок. Это схема. Музыка. Не было «одинаковых», но ни одна не была лишней.

И тогда я спросила:

— А если чего-то не хватает?

— Значит, ты ещё не всё вспомнила, — ответил Магистр.

— А если что-то разбито?

— Тогда Целое звучит иначе. Но не перестаёт быть Целым.

Позже, когда я ушла от него — в другой город, в другую себя, — я всё равно помнила этот Танец Чашек. Потому что каждый раз, когда во мне что-то не складывалось, я мысленно возвращалась туда, где он ставил треснутую чашку рядом с драгоценной — и обе звучали.

И я вспоминала: Я не ошибка. Я часть. Я Целое.

Целостность — не в симметрии, а в соединении. Целостность — не про идеальность, а про вписанность. Всё, что с тобой, — это тоже ты. И всё, что ты не любишь в себе, тоже просится на своё место. Даже треснутая чашка. Даже слеза. Даже память.

Целое не боится своих осколков. Оно их принимает в узор.

Нити света

Новый год в Москве пах мёдом и асфальтом.

На улицах трещал лёд, внутри домов копошилось ожидание, а в окнах ёлки стояли, как дежурные маяки. Мир снова делал вид, что всё в порядке — даже если в каждом втором сердце была крошечная пустота.

Он встретил праздник в пижаме, с котом на груди и телевизором на минимальной громкости.

Она — в поезде, который медленно пробирался сквозь снежное марево от Петербурга к чему-то, что она ещё не осознала, но уже чувствовала: это будет важное возвращение.

В его доме пахло мандаринами и книгами.

На подоконнике дремал кот по имени Синтаксис (так сложилось). На коленях лежала старая тетрадь — та самая, где он когда-то записывал песни, а потом бросил, потому что «уже не по возрасту».

Он открыл её.

Старая песня про «перекрёсток семи дорог» вдруг откликнулась неожиданной строчкой:

«А может, всё это и есть дорога домой?»

Она вышла на Курской. Ёлка на привокзальной площади сияла слишком ярко, как будто кричала: «Смотри, всё возможно!»

И она смотрела.

В рюкзаке лежала коробка — совсем небольшая. Внутри — кружка с серебристой нитью (да, та самая).

На доньшке тонкой кисточкой было выведено:

«Ты уже дома. Просто оглянись».

Она не знала, куда идёт. Но ноги вели её в сторону Чистопрудного.

Наверное, потому что именно там когда-то случилась та встреча с собаками и смехом. Или потому что там — вход в другой слой реальности. Где всё возможно.

Он сидел у окна, пил чай и листал старые сообщения.

Потом — без особой причины — решил выйти. Просто так. Взял Синтаксиса за пазуху — тот не возражал — и пошёл.

И как-то так вышло, что они оба оказались на Винзаводе.

Опять. В одно и то же время.

Она вошла в галерею и увидела, как он стоит у стены с цветной инсталляцией, на которой тысячи нитей сходились в одну точку света.

— Ты... — начала она.

Он повернулся.

— Прости, ты — это случайно не ты?

Они долго не говорили.

Потом смеялись. Потом сидели на подоконнике галереи, пили какао с маршмеллоу, и кот Синтаксис мурчал так громко, что вибрировал пол.

— Ты знаешь, — сказала она, — мне кажется, мы оба всё

это время не потерялись. Мы просто шли по разным нитям одного плёда.

— Мы были на его разных сторонах, — кивнул он. — Но теперь, кажется, нашли узел.

Дома, под одеялом с принтом звёзд, они пили чай. Он — с мёдом. Она — с мишурой. Кот устраивался между ними, как живая запятая.

А за окном шёл снег.

И каждая снежинка была письмом, которое вовремя дошло.

Каждая улица — частью одной карты.

Каждое сердце — одной строкой из той самой, забытой, но не потерянной песни.

1. Закон Целостности

Всё уже связано. Всё — части одного Целого.

Закон Целостности учит, что мир не разделён. Мы склонны воспринимать себя, других и события как разрозненные и случайные.

Но на глубинном уровне всё связано. Каждый человек, каждая мысль, каждое действие — это волна, проходящая по единому полю.

Истинная сила приходит, когда мы начинаем чувствовать эту связь и действовать из состояния включённости в общий узор.

Когда ты ощущаешь свою связь с другими, с природой, с прошлым и будущим, ты выходишь из изоляции.

Ты — часть Великого Целого.

День второй

Комната с занавеской

Улицу Трёх Обманов никто не любил. Даже карта города её избегала, делая вид, что это всего лишь кривой переулочек между булочной Герхарда и мастерской слепого антиквара. А между тем именно там жила Анабель.

— Я снимаю комнату за занавеской, — сказала она, когда мы впервые встретились.

— За какой?

— За той, что никто не видит. Она висит внутри головы. Между восприятием и реальностью.

Мне сразу стало тревожно, потому что я-то думал, что говорю с нормальным человеком.

Анабель работала в театре, но не актрисой и не костюмером. Она ставила тени. Именно так. Брала фонарик, прожектор, кусок стекла и — хоп! — на стене оживала тень, которая была одновременно частью декора и отдельной историей.

— Иногда люди верят теням больше, чем источнику света, — шептала она мне в антракте.

— И это ужасно?

— Это... привычно.

Однажды я попросил у неё подработку. Она дала мне бумажный цилиндр и сказала:

— Надень. Это — очки правды.

— Бумажная труба?

— Ну а ты что хотел? Очки с бирюзовыми линзами?

Я надел. Смотрел — и ничего. Просто всё как всегда. Но потом понял: я вижу, что у людей над головами висят таблички. На одной — «страшно быть никем». На другой — «если я сейчас не улыбнусь, меня раскусят». У некоторых — просто: «не подходи».

— Это ты видишь не глазами, а собой, — пояснила Анабель.

— И это плохо?

— Это... честно.

В её комнате за занавеской я побывал однажды. Там не было ничего, кроме зеркала, стула и шляпы.

Я спросил:

— И в чём смысл?

— Ты задал вопрос. А значит, началась репетиция.

— Репетиция чего?

— Выхода из иллюзии.

— А как я пойму, что вышел?

— Захочешь вернуться. И не сможешь.

После этого я стал замечать странности. Люди вокруг говорили будто чужими голосами. Кто-то всё время играл роль «жертвы», кто-то — «гуру», кто-то — «положительного героя».

И я подумал: какую роль играю я?

Встретив Анабель снова, я сказал:

— Это всё театр, да?

— Почти. Это декорации, чтобы ты вспомнил, кто сидит в зале.

— А если не вспомню?

— Тогда проживёшь всю жизнь на сцене, репетируя чужой сценарий.

И я засмеялся. Потому что понял:

Она не снимала комнату за занавеской.

Она и была занавеской.

Между правдой и образом. Между маской и лицом.

Постскриптум

Иллюзия — не враг. Она — ткань сцены.

Но выход за неё — это не побег.

Это поклон. Себе. Настоящему.

А потом — свет. И аплодисменты.

Кафе «Занавес»

В конце старого переуллка, где дома стыдливо обнимаются балконами, а асфальт уже лет десять как забыл, что он должен быть ровным, стоит кафе «Занавес».

Ты можешь пройти мимо сто раз и не заметить его. Оно открывается только тем, кто в этот день особенно устал делать вид, что всё нормально.

Я попал туда случайно. Или, как сказала хозяйка:

— Добро пожаловать, раз уж ты всё понял.

Я не уточнял, что именно я понял. Возможно, она имела в виду ту минуту в метро, когда я смотрел на своё отражение в затемнённом окне и подумал:

«А ведь это всё притворство. Даже моя улыбка».

И вот — «Занавес».

Внутри пахло мёдом и пылью старых книг.

На стенах висели зеркала, которые не отражали ничего, кроме настроения. У меня над головой сияло лёгкое недоверие с примесью недоумения, а в дальнем углу отражалось чувство, что кто-то вот-вот скажет тебе что-то важное.

Хозяйка была женщиной неопределённого возраста. Примерно 300 лет. Или 28. Судя по глазам — обе цифры правдивы.

— У нас только один напиток, — сказала она, подавая чашку.

— Что это?

— Ответ.

Я сделал глоток. Это был вкус детства, разбитой чашки, письма, которое не успел отправить, и смеха того, кого больше нет рядом. И ещё — вкус огромного, непонятного «да», которое я всегда искал, сам не зная зачем.

— Я... — начал было я.

— Да, — сказала она. — Ты сейчас спросишь, что здесь происходит. Но лучше смотри.

За соседним столиком мужчина в дорогом пальто вынимал из кармана одну маску за другой. Сначала — «Уверенный деловой». Потом — «Отец года». Потом — «Я в порядке, честно». Когда он дошёл до своей настоящей улыбки, она немного дрожала, как чайная ложка в утренней тишине.

— Он всегда так? — шепнул я.

— Он впервые дошёл до конца, — ответила хозяйка. — Обычно люди не доходят. Боятся.

В уголке спала девочка с цветами в волосах. Они менялись: ромашки, одуванчики, яблоневый цвет. На столе у неё была коробка. На ней надпись:

«Фантазия? Или память?»

Я не стал открывать. Просто сел рядом. Девочка улыбнулась во сне. И цветы стали пахнуть летом.

— Кто она?

— Та, кто никогда не верила, что сказка — выдумка. Она помнит то, что другие называют фантазией.

Вдруг тишину разрезал звук скрипки. Парень с рыжими волосами играл. У него не было скрипки. Просто воздух вокруг звучал, потому что он захотел.

Я вдруг понял, что вижу музыку. Она выглядела как тёплый дождь.

— Это же невозможно, — выдохнул я.

— Нет ничего невозможного, — сказала хозяйка. — Есть только неразрешённое восприятие.

Мы пили молчание. Оно тоже было в чашках — густое, как какао, и сладкое, как ночь, когда никто не спрашивает, кем ты стал и сколько ты зарабатываешь.

— Почему ты назвала кафе «Занавес»? — спросил я наконец.

— Потому что все думают, что они — зрители. — Она улыбнулась. — А они — актёры. Только забыли сценарий. И боятся выйти на сцену.

— А ты?

— Я просто смотрю, кто готов перестать играть чужую роль. Кто хочет вспомнить, кто он — до грима, до аплодисментов, до тревожных утренников жизни.

Она поставила передо мной зеркало. Но я в нём не увидел себя. Только силуэт из света и тени.

— Это я?

— Это ты без костюма.

И тут я впервые за долгое время не испугался.

Когда я вышел из кафе, оно тут же исчезло.

Переулок снова был серым, дома — усталыми. Только в правом кармане куртки лежала салфетка. На ней — рукой, пахнувшей корицей, было написано:

«Ты не то, что про тебя говорят. И даже не то, что ты думаешь о себе.

Ты — тот, кто наблюдает это всё.

Не забывай. И не бойся выходить из роли.

— Занавес».

2. Закон Иллюзии

Мир — сцена. Но сцена не фальшивая, а зеркальная.

Каждая ситуация — роль, маска, урок.

Истинная реальность — за кулисами ума.

«Мир есть проекция внутренних образов, и каждый предмет когда-то был чьим-то сном».

Этот закон говорит: то, что ты видишь, чувствуешь и воспринимаешь как «реальность», на самом деле — декорации. Ум строит сцену, а ты играешь роли, часто даже не осознавая этого.

Закон Иллюзии учит: сцена — не ложь. Она дана тебе, чтобы ты увидел, кто ты есть на самом деле.

Ты не должен бороться с масками. Но можешь научиться видеть их.

Ты можешь выйти из плена восприятия и начать играть осознанно, зная: всё — спектакль, но ты не только актёр.

Ты — режиссёр, зритель и свет внутри зала.

День третий

Карта, которой не было

У Яны было восемь чемоданов. В каждом — другая версия её самой.

В первом — «Яна, которой не хватило любви в детстве».

Во втором — «Яна, которой слишком много дали и которая теперь всем обязана».

В третьем — «Яна, которая решила быть сильной, потому что слабых не любят».

В остальных — скучные вещи: резюме, фотографии, советы чужих людей, списки дел на случай апокалипсиса. Всё полезное, всё нужное. Ни одного пустого чемодана.

Она путешествовала. Не потому что хотела, а потому что не могла остановиться.

— Если я остановлюсь — меня догонят, — сказала она однажды.

— Кто? — спросил я.

— Всё, от чего я уехала.

Мы встретились в кафе, которое не существовало по вос-

кресеньям. Его открывали только по особым поводам: переосмыслению, случайной встрече или внутреннему кризису клиента.

Я пришёл туда пить молчание. Она — прятать багаж под столом.

— Ты как? — спросил я.

— Всё ещё еду, — ответила она.

На стене кафе висела старая карта. Без стран, без городов. Только слова:

«Здесь ты есть. Всё остальное — проекция».

— Это карта? — удивилась Яна.

— Это зеркало, — сказал я. — Только карта-дом рисуется изнутри.

Через неделю она вернулась. Без чемоданов.

— Потеряла багаж?

— Оставила.

— Где?

— Там, где поняла: это всё не моё.

Она достала из кармана бумажку.

На ней — всего три строки:

Дом — не адрес. Это состояние.

Быть собой — достаточно.

Я уже здесь.

С тех пор мы часто встречались на этой несуществующей улице.

Иногда просто сидели молча.

Иногда ели абрикосовые круассаны, которых не было в меню.

Иногда Яна рисовала новые карты. Но только одной ручкой — изнутри наружу.

И всякий раз, когда кто-то входил в кафе, уставший от поисков, она улыбалась и говорила:

— Добро пожаловать. Ты нашёлся. Теперь остаётся только вспомнить, что ты никуда не терялся.

Где живут чайники

Пашке было тридцать четыре, и он абсолютно точно не знал, где он.

Ну, то есть географически — Москва, Котельники, третий этаж. Но внутренне — ощущение было, будто его жизнь оставила чайник кипятиться, а сама ушла в магазин за йогуртом. И не вернулась.

Он ходил на работу, где никто не знал его любимую песню. Пил кофе, хотя не любил. Носил рубашки с пуговицами, от которых чесалась шея. Он даже подумывал завести себе хобби — что-то приличное, с выкладкой в Инстаграм. Но внутри всё равно звенела тишина, похожая на вопрос, на который не придумали слов.

И вот однажды он сел в метро — и уехал не туда. Совсем не туда.

Вышел на незнакомой станции, где пахло мандаринами, хотя был июль. И вошёл в первую же дверь, на которой было написано:

«Мастерская потерянных чайников и случайных путников.

Пожалуйста, не разувайтесь, у нас уютно и так».

Внутри было... странно. Но по-хорошему.

На полках стояли чайники. Старые, новенькие, с трещи-

нами и крылышками. Каждый — будто с характером. В воздухе пахло жасмином и чем-то, что невозможно было описать иначе как «вкус возвращения».

— Вы потерялись? — спросила женщина в вязаном платье цвета забытых снов.

Пашка хотел ответить «да», но получилось только кивнуть.

— Ну, тогда садитесь. У нас все так делают. Первый чай — за счёт Дома.

Они пили молочный улун из фарфоровых чашек. За окнами лениво летел дождь, хотя на улице было солнце.

— Это какое-то волшебное место? — спросил он.

— Нет, просто одно из тех, где не надо быть кем-то. Здесь даже твои мысли не требуют макияжа.

Она поставила перед ним тетрадь.

— Пиши. Всё, что вспомнишь. Не из головы. Из сердца.

Он сначала было подумал, что это терапия. А потом — что, может, это и есть настоящее волшебство: тишина, чай и разрешение быть собой.

Он писал. Про то, как в детстве хотел быть библиотекарем. Про девочку с веснушками, которая читала ему сказки. Про то, как любил рисовать котов, пока ему не сказали, что это «не по-мужски». Про то, как мечтал научиться ничего не доказывать.

— Ты вернулся, — сказала она тихо, заглядывая в его строки.

— Но я ведь никуда не уезжал?

— Вот именно, — улыбнулась она. — Ты просто забыл, где твой Дом. Он — не адрес. Он — внутри. Там, где ты настоящий.

Он ушёл оттуда без фотографии, без визитки, даже не запомнил названия улицы.

Но что-то внутри него щёлкнуло.

Не громко. Не пафосно. А как щелчок выключателя — когда после долгой темноты в комнате снова загорается свет.

Он пошёл домой.

В те же Котельники. В ту же квартиру.

Только теперь внутри себя он был не пустым.

Он заварил чай. Нарисовал кота. И в первый раз за долгое время почувствовал, что ему не нужно никуда спешить.

Потому что Дом — это не где ты есть.

Это кто ты есть, когда перестаёшь быть чужим самому себе.

Возвращайся

За окном медленно кружились снежинки, будто не могли решить — падать или остаться. Они зависали в свете фонаря, танцевали в паре с дыханием улицы и исчезали, как мысли, которые приходят ночью, но не договариваются до конца.

Он лежал на боку, слушая, как батарея стонет под напором холода. Где-то в доме бормотало радио, в другой комнате вздыхал холодильник. Мир тихонько жил, будто боялся потревожить того, кто прячется под одеялом.

Рома не болел. Просто зима внутри него оказалась более снежной, чем снаружи.

Он не выходил уже третий день. Заказал мандарины — они так и стояли в пакете на подоконнике, глядя на него с укором. «Мы — праздник», — молчали они. «А ты?»

Он шептал в темноте стихи, строчки, кусочки песен, как заклинания. Только не вслух. Потому что знал: желания, сказанные вслух, пугают духов, особенно добрых. Те любят тишину. Особенно под Новый год.

— Возвращайся... — выдохнул он в воздух, не открывая рта.

Когда-то он верил, что Новый год — это пересменка волшебства. Что ровно в полночь что-то можно изменить, если загадать правильно. Или успеть дописать письмо. Или хотя бы не уснуть на первом куплете «Снежинки падают...»

А потом она ушла. Не громко. Не драматично. Просто в один вечер сказала:

— Мне кажется, ты всё ещё ждёшь праздник. А я — просто человек.

Он не винит. Он даже теперь не винит. Он просто остался в том зале ожидания, где гирлянды горят, а поезд давно ушёл.

Он нащупал телефон и открыл черновик. Там была строчка:

«Я себе желаю, чтобы ты была со мной».

Он не отправил. Просто смотрел на неё. Потом на окно. Там снежинка села на стекло и не таяла.

В этот вечер город дышал еловым. Внизу щёлкали пробки. Кто-то ругался, кто-то пел, кто-то нёс в пакете обещание: «Всё будет по-новому».

Рома встал. Без пафоса. Просто захотел в душ. Потом надел чистую рубашку — ту, что хранил «на случай».

Потом вынес мусор. Потом подошёл к почтовому ящику. Там лежала открытка.

Без марки. Без адреса. Только два слова:

«Ты дома».

Он не знал, кто это. Но, возвращаясь по лестнице, почувствовал: тишина внутри перестала гудеть. А за спиной будто шагнул кто-то знакомый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.